

Говард Филлипс Лавкрафт

АЛХИМИК

(The Alchemist)

Высоко на зеленом холме среди ореховых деревьев первозданного леса возвышается старинный родовой замок моих предков. Много веков он служил жилищем и вотчиной для нашего гордого и знатного рода. Замок окружен крепостной стеной, поросшей зеленым мхом, которая когда-то величественно возвышалась над окрестной деревушкой, старой, как и сам замок. Старинные башни с отметинами бурной жизни всех поколений владельцев замка постепенно приходили в упадок под неумолимым и безжалостным давлением времени. Замок был построен в эпоху раннего средневековья и являлся некогда одной из самых восхитительных и устрашающих крепостей Франции. Знатные графы, бароны, герцоги и даже короли противостояли натиску врагов на его крепостных стенах и галереях с навесными бойницами. Никогда за всю многовековую историю в залах замка так и не раздались уверенные шаги завоевателей. Никогда не был он покорен врагами.

Но многое изменилось с тех давних феодальных времен. На смену блеску и роскоши пришли запустение и упадок. Слишком гордые и надменные владельцы замка считали недопустимо оскорбительным для себя занятие коммерцией. И постепенно мои предки утратили свое богатство. Время не пощадило и сам замок: его стены и башни были наполовину разрушены, великолепный парк зарос сорной травой, водяные рвы, опоясывающие крепость, давно высохли.

Внутреннее убранство замка, поражавшее раньше роскошью и богатством, также несло на себе следы разорения и утраченного былого величия. Пол, ковры, резная обшивка стен и панелей были источены червями и угрожали превратиться в древесную труху.

Проходили века, и постепенно три из четырех главных башен замка окончательно превратились в руины, осталась лишь последняя, где и обитали представители некогда могущественного рода графов С. Девяносто лет назад в одной из мрачных и огромных комнат последней сохранившейся башни родился я, Антуан, последний потомок несчастного рода, над которым висел злой рок проклятья.

Первые годы моей бурной жизни я провел среди мрачных стен родового гнезда, в лесу, в диких оврагах, гротах и ущельях холма. Я никогда не знал своих родителей. За месяц до моего появления на свет мой отец в возрасте тридцати двух лет погиб от нелепой случайности: на него упал камень, отделившийся от одного из зубцов стены замка. Моя бедная мать умерла при родах. Мое воспитание

и образование были доверены Пьеру, старому и умному гувернеру нашего дома. В семье я был единственным ребенком, и чувствовал себя одиноким среди пустынных залов замка. Это мое одиночество усиливалось еще и оттого, что мой опекун запрещал мне общаться с детьми крестьян, чьи дома были разбросаны по равнине у самого подножия холма. Во времена моего детства Пьер объяснял мне это тем, что по рождению судьба поставила меня на более высокую ступень над ними, но теперь я знаю настоящую причину запрета.

Мой опекун хотел помешать мне узнать то, о чем шепотом говорили крестьяне, сидя в углу возле каминов, - о зловещем проклятии, висевшем над нашей семьей. Одиноким и предоставленным самому себе, я проводил часы за чтением пыльных старых томов из библиотеки замка или бродил, предаваясь грезам, в окрестном лесу. Я рано стал меланхоликом и проявил интерес к оккультизму. Я почти ничего не знал о моей семье, но даже скудные обрывочные сведения, доходившие до меня, поражали мое детское воображение. Возможно, этому способствовали очевидные недомолвки, сопровождавшие все разговоры о семье графов С.

Постепенно, становясь взрослым, я старался собрать воедино обрывочные рассказы о моей семье, с огромным усилием добытые у опекуна. Обстоятельства и детали историй, рассказанных Пьером, были таинственными. Все мужчины нашего рода умирали в раннем возрасте. Еще ребенком я пытался размышлять над этим роковым совпадением и искал связь между ранними смертями мужчин нашего рода и разглагольствованиями старика о вековом проклятии, тяготеющим над ним и не позволяющим представителям нашей славной династии преодолеть тридцатидвухлетний рубеж.

В тот памятный день, когда мне исполнился двадцать один год, старик Пьер передал в мои руки древнюю рукопись, переходившую от отца к сыну в течение многих поколений нашего славного рода. Содержание рукописи взволновало меня.

Этот семейный документ подтвердил мои наихудшие опасения. В то время я верил в сверхъестественные силы, в противном случае как объяснить тот факт, что я не отмахнулся с пренебрежением от рукописи. Пергамент датировался XIII веком. Для замка и его владельцев это было самое замечательное время - вершина могущества рода. Рукопись начиналась с описания человека, первым обжившим местные окрестности. Его звали Мишель, он обладал многими достоинствами, хотя по своему скромному происхождению находился почти на одной ступени с крестьянами. Он владел многими страшными секретами черной магии и алхимии. Его опыты по созданию философского камня и эликсира бессмертия приводили в ужас местных крестьян, которые дали ему имя Мишель Злой. У Мишеля Злого был сын Шарль, с детства заинтересовавшийся исследованиями отца и оккультными науками. Крестьяне не замедлили дать Шарлю прозвище "Колдун". Отец и сын жили уединенно, в полной изоляции от деревни и почти не общались с крестьянами. Суеверные крестьяне подозревали, что они занимаются жуткими и отвратительными опытами. Так, например, молва утверждала, что Мишель Злой сжег заживо свою жену, принеся ее в жертву дьяволу. Именно поэтому пропажа нескольких крестьянских детей ставилась в вину отцу и сыну.. Но в отношениях между ними было нечто, искупающее их вину в глазах местных жителей; отец

обожал Шарля, и сын в свою очередь испытывал нежную трепетность к престарелому Мишелю.

Однажды ночью в замке случился страшный переполох в связи с исчезновением молодого Годфрея, сына графа Генри. Собрав всех слуг, в полном отчаянии граф сам вел поиски пропавшего наследника. Когда он прибыл в дом к колдунам, то застал Мишеля Злого, склонившегося над большим чаном, в котором кипела какая-то жидкость с неприятным запахом. Ослепленный горем и яростью, потерявший всякий контроль над своими нервами граф вцепился в горло старику, ничего не объясняя. Когда он разжал руку, его жертва рухнула на пол бездыханной. В тот же момент в дом вбежали слуги с радостной вестью, что молодой граф найден в одной из многочисленных комнат замка. Счастливое известие подоспело слишком поздно: для бедняги старика все было кончено.

Когда граф и его слуги уже довольно далеко удалились от скромного жилища колдунов, неожиданно из-за леса перед ними появился Шарль. О трагедии, случившейся с его отцом, он узнал из перешептывания оленей, язык которых прекрасно понимал. Поначалу создалось впечатление, что судьба отца оставила его равнодушным - так медленно и спокойно он двигался навстречу графу. Но подойдя к нему вплотную и взглянув прямо в лицо, он зловещим шепотом изрек жуткое проклятие: "Пусть отныне ни один представитель твоего гнусного рода убийц не переживет тебя". Произнеся это страшное заклинание, он достал из своего кармана пузырек с бесцветной жидкостью и брызнул ею в лицо перепуганного графа Генри, убийцы его отца, а затем бесшумно исчез за темным занавесом ночи. Не проронив ни единого слова, граф Генри упал замертво. Его похоронили на следующий день. Ему было чуть больше тридцати двух лет.

Отряды крестьян тщательно обыскали окрестные леса и болота, но несмотря на все их поиски так и не удалось обнаружить следов исчезнувшего колдуна-сына. Шли годы, и постепенно время стерло в семье графа Генри ужасное воспоминание о проклятии Шарля. И когда граф Годфрей, невольная причина разыгравшейся трагедии, погиб в возрасте тридцати двух лет на охоте от неудачно пущенной стрелы, никто не пытался установить роковую связь между его смертью и предсказанием Шарля-колдуна. Но несколько лет спустя после описанных событий в поле нашли мертвое тело Роберта, сына Годфрея, без очевидных повреждений. И тогда старые крестьяне не могли не отметить смущающее их ужасное совпадение. Роберту также едва исполнилось тридцать два. Сына Роберта, Луи, нашли утонувшим в канале в том же роковом возрасте.

Страшная цепочка смертей мужчин рода графов С, тянулась и до наших дней.

Генри, Роберты, Антуаны и Арманы были вырваны смертью из их счастливой и добродетельной жизни в том возрасте, сколько лет было их несчастному предку, когда он совершил убийство.

Если верить этой хронике, мне оставалось жить чуть больше одиннадцати лет. Жизнь, лишенная всякого интереса до сего дня, теперь приобрела для меня смысл. Я полностью отдался изучению чар и колдовства черной магии. Почти отрезанный от внешнего мира, я не испытывал страсти к современным наукам и все свободное

время, подобно Мишелю и Шарлю, проводил за изучением алхимии и демонических оккультных наук. Но напрасно я читал рукописи и документы, стараясь найти в них следы, могущие пролить свет на роковое проклятие нашей семьи. Иногда мой истощенный чтением ум доходил до того, что приписывал ранние смерти моих предков ныне живущим потомкам колдунов. Однако поиски наследников Шарля были безуспешны. Тогда я принялся с большим рвением выводить магическую формулу, которая помогла бы мне освободить нашу семью от рокового проклятья. Независимо от результатов моих исследований я принял для себя решение никогда не жениться. Так как я последний потомок графов С., то должен стать и последней жертвой ужасного проклятия Шарля.

Когда я перешел за фатальную черту тридцати двух лет, верный нашему дому Пьер уже покоился в царстве теней. Я сам похоронил его под каменными плитами двора, где он так любил гулять. У меня, оставшегося в полном одиночестве в огромном замке, стал проходить страх. Я прекратил сопротивляться неизбежной судьбе, считая, что меня все равно постигнет участь несчастных предков.

Теперь, освободившись от гнетущего страха, я целыми днями осматривал огромные залы трех разрушенных башен замка, в которых никогда не бывал раньше. В молодости я не предпринимал подобных попыток сначала из-за запрета Пьера, а в дальнейшем из-за собственных опасений. В некоторых комнатах нога человека не ступала в течение четырех веков. Я находил здесь множество любопытных предметов, старинную мебель, покрытую вековой пылью и сгнившую от сырости. Повсюду встречалось невероятное количество паутины. На всем лежали безжалостные следы времени и заброшенности. Единственными обитателями пустынных комнат были летучие мыши, чувствовавшие себя здесь полными хозяевами. Я вел точный счет дням и часам моей жизни. Каждое движение стрелки фамильных настенных часов в библиотеке лишало меня по секундам жизни и приближало к тому жуткому моменту, которого я так давно опасался. Мне оставалось совсем немного дней до точного возраста графа Генри. А ведь большинство моих предков смерть уносила, не дав им достигнуть возраста убийцы Мишеля Злого. Какой будет моя неотвратимая смерть? В какой форме свершится проклятие на этот раз? Я мучился этими вопросами. Конечно я не мог знать ответа, но твердо решил, что в моем лице смерть не найдет трусливую и пассивную жертву. Событие, ставшее самым важным в моей жизни, произошло во время поисков в замке, по моим расчетам чуть меньше недели до предполагаемой кончины.

Обследовав утром оставшиеся лестницы и залы разрушенной башни, я решил после полудня продолжить свои поиски на нижних этажах замка, и попал в подвал, вероятно бывший средневековым складом боеприпасов. Медленно двигаясь с факелом в руке по проходу, усыпанному порохом, я обнаружил у последней лестницы гладкую и влажную стену, преграждающую мне путь. Я собирался уже подняться наверх, как вдруг мой взгляд упал на люк с железным кольцом, расположенный прямо возле меня. Толкаемый любопытством, я не без труда поднял каменную плиту люка. Из образовавшейся черной дыры исходили зловонные пары, едва не затушившие пламя моего факела. Заглянув в темное

отверстие, я заметил витую каменную лестницу, по которой не без дрожи стал медленно спускаться. Лестница вела к узкому проходу, находившемуся глубоко под землей. Довольно длинный коридор, по которому мне пришлось пройти, заканчивался у массивной дубовой двери, покрытой каплями воды. Все мои усилия открыть ее не увенчались успехом. Я решил прекратить бесплодные попытки и покинуть подземелье. Но едва сделав несколько шагов по направлению к каменной лестнице, я испытал самый ужасный и потрясающий шок, который невозможно даже вообразить. В тот момент, когда я меньше всего ожидал этого, дубовая дверь медленно открылась сама по себе за моей спиной, зловеще скрипнув ржавыми петлями. Охваченный страхом, я был не в состоянии проанализировать случившееся. Когда наконец усилием воли я заставил себя повернуться к открывшейся двери, мои глаза едва не выскочили из орбит от увиденного.

В дверном проеме стоял человек и пристально смотрел на меня. Он был одет в костюм, который носили в средневековье. У него были высокий лоб и большая темно-русовая борода. Кожа отливала мраморной бледностью, присущей безжизненной статуе, впалые худые щеки изборождали морщины, а его длинные узловатые руки напоминали щупальцы. Страшное сутулое существо было похоже на скелет. Но самым поразительным в нем были глаза! Эти две небольшие черные пропасти, выражение которых говорило о глубоком уме, блестели светом нечеловеческой жестокости. Эти жуткие глаза пылали ненавистью и пронизывали меня насквозь, пригвоздив к месту. Наконец, человек заговорил замогильным голосом, от которого в жилах стыла кровь. От парализовавшего меня страха я не мог даже пошевелиться. Человек говорил на поздней латыни, языке самых образованных людей ранней феодальной эпохи. Этот язык был понятен мне благодаря чтению трактатов по алхимии и черной магии. Человек напомнил о проклятии, заклеившем наш род, и о моей близкой неминуемой кончине.

Рассказав уже известную мне историю преступления графа Генри, он затем долго распространялся о справедливой мести Шарля Колдуна. Оказывается, что через несколько лет после своего исчезновения Шарль Колдун вернулся в родные края, чтобы отомстить наследнику Годфрею. Стрела, пущенная им, смертельно ранила молодого графа, которому едва исполнилось тридцать два года. Незаметно для всех он проник в эту старую заброшенную комнату в подземелье, где и обосновался, чтобы выполнять свой священный сыновий долг. Сына Годфрея, Роберта, он настиг в поле и насильно заставил принять яд. Потом Шарль Колдун убил сына Роберта, а затем и внука Роберта, таким образом его месть настигала всех потомков по мужской линии нашего рода. Вот уже шесть веков Шарль Колдун является, чтобы свершить свою праведную месть в точно указанные сроки рокового проклятия.

Но в рассказе для меня существовала тайна, которую я не мог разгадать.

Как Шарль Колдун, который должен был давно истлеть в могиле, смог убивать моих предков в нужный срок, а именно, по достижении ими роковой черты тридцати двух лет? А может это был призрак или его тень? Человек теперь охотно и с некоторым самолюбованием рассказывал об опытах Мишеля Злого и Шарля

Колдуна, об успехах, достигнутых ими, а особенно сыном, в создании эликсира, приносившего вечную молодость и жизнь тому, кто попробует его. Он настолько увлекся своими разглагольствованиями об алхимии и говорил об этом с таким энтузиазмом, что на какое-то мгновение из его глаз исчезла дикая жестокость. Но вдруг они снова загорелись невероятной ненавистью. С шипением, подобно жалящей змее, незнакомец извлек из кармана пузырек с бесцветной жидкостью с явным намерением вылить мне ее в лицо, как это сделал шесть веков назад Шарль Колдун с графом Генри. Движимый инстинктом самосохранения, я смог наконец преодолеть притяжение неизвестной силы, приковавшей меня к полу, и с силой бросил факел в незнакомца из подземелья.

Пузырек выпал из рук человека и разбился о каменную плиту, а его одежда мгновенно воспламенилась, бросая кошмарные блики на стены. Крик ужаса и бессильной ярости, сорвавшийся с губ умирающего, заставил меня содрогнуться от отвращения. Мои измученные нервы не смогли вынести вид заживо горящего человека.

Я упал без сознания на холодный и грязный пол, и когда пришел в себя, меня окружала полная темнота. Дрожа от страха при воспоминании о пережитом, я колебался продолжать ли свои поиски по замку. Но любопытство и в этот раз одержало победу над страхом. Меня мучили вопросы: кто этот дьявольский человек? Как ему удалось проникнуть в разрушенную башню? Почему он пытался убить меня? И особенно: как после смерти Шарля Колдуна совершалось роковое проклятие, висевшее над нашим родом?

Сознавая, что я навсегда избавился от человека, хотевшего меня убить, я почувствовал себя теперь свободным от страха. Я горел желанием узнать все о жестокой судьбе, преследовавшей наш род и превратившей мою юность в бесконечный кошмар. Мне удалось обнаружить кремневую зажигалку, с помощью которой я зажег второй факел. Его бледное пламя высветило мне обгорелое тело таинственного незнакомца. Его пугающие глаза теперь были закрыты.

Я широко распахнул дверь и зашел в темную комнату. Это была лаборатория алхимика. В углу я обнаружил груды желтого металла, блестящего от пламени факела. Возможно это было золото, но, находясь во власти противоречивых эмоций, я отложил осмотр металла на другое время. В противоположном углу моему взгляду открылось отверстие, ведущее к одному из многочисленных лесных оврагов. Именно через этот ход незнакомец проник в замок. Проходя мимо обгоревшего трупа, я услышал еле уловимый стон и склонился над обожженным и полностью сморщенным телом, чтобы лучше рассмотреть его.

Вдруг труп открыл свои жуткие, безмерно увеличившиеся глаза, чернее, чем обгоревшее лицо, которое, казалось, светилось во мраке. В них застыло выражение, не поддающееся описанию. Потрескавшиеся губы медленно зашевелились, пытаясь произнести слова, непонятные для меня. Однако я смог лишь различить имя Шарля Колдуна, слова "год", "проклятие". Но общий смысл его речи все еще не был мне понятен. Видимо, незнакомец стал сердиться, что я не в состоянии уловить смысл его бессвязной речи. Его глаза снова запылали

дьявольской ненавистью. Я неподвижно стоял перед ним, содрогаясь от неопишуемого ужаса.

Вдруг тело несчастного ожило в последнем усилии. Подняв голову с влажного каменного пола, он взвыл и на последнем дыхании произнес слова, которые день и ночь звучат в моих ушах: "Безумец! - завопил незнакомец, - ты так и не раскрыл мой секрет. Разве ты не достаточно умен, чтобы понять, чья воля вершит праведное возмездие вот уже шестьсот лет над твоими гнусными предками? Разве я не говорил тебе об эликсире вечной жизни и о наших открытиях в алхимии? Я говорю тебе, что это я! Я жил шестьсот лет, чтобы насытиться мезтью, потому что я и есть Шарль Колдун!"

*Перевод: А. Мороз, Г. Кот
1992 год*